

И теперь она послушно насаживалась на его член с небрежным, беспорядочным голодом, брызгая слюной и захлебываясь, когда ей делали, наверное, самый неряшливый минет, который она когда-либо делала. У нее не было рук, чтобы опереться о его бедра или обработать основание его члена, и это означало, что она глубоко глотала его целиком, работая над ним с безрассудным наслаждением, делая все возможное, чтобы только выдержать все давление, пылающее внутри нее. Ей казалось, что ее поглощает собственный аппетит, она была охвачена похотью и не могла ничего с этим поделать, кроме как полностью отдаться всему этому.

Тем более что сам вкус члена на ее языке оказался губительным сам по себе. Она почувствовала, что разгорается все жарче, пока сосет член, потный, соленый вкус по всему телу возбуждал ее вкусовые рецепторы и вызывал желание, которое никак не утихало. Чем больше она сосала, тем больше ей хотелось, и это превратило ее в абсолютную развалину, она громко стонала, размазывая слюни по толстому члену и не выказывая больше никакого достоинства. Теперь она была уже не в том состоянии, когда ей не нужно было ничего, кроме как получать все возможные удовольствия и поблажки.

Это было воплощением фантазии, как для мужчины, которому отсасывали, так и для тех, кто смотрел. Харли была одним из самых сексуальных людей, которые входили и выходили из вращающихся дверей Аркхэма, так было еще со времен ее работы психиатром, но теперь она обладала определенным безумным, сумасшедшим шармом. Каждый мужчина, работавший там, хотя бы представлял себе, как принцесса-клоун сосет его член через решетку, но Джервис, как никто другой, сделал это неожиданной реальностью, и на их глазах мятежный проблемный пациент превратился в жаждущую члена шлюху, которая не могла себя сдерживать.

Харли даже не подозревала, сколько внимания ей уделяется, когда охранник вошел в ее горло. Она была в своем собственном мире, настолько увлеченная, что даже не обратила внимания на признаки того, что он кончает, пока не почувствовала, как горячая слизь брызнула ей в горло. Ее глаза расширились от удивления, когда она почувствовала, как она попала в горло, заставив ее немного закашляться, когда она подавилась ею, каждая последняя капля спермы скатилась в ее живот и оставила ее корчиться, поскольку она питала свою привычку, питала свою потребность. Выпив всю порцию, она нуждалась в ней еще больше, чем когда-либо, и когда она наконец отстранилась от члена, она задыхалась, слюна забрызгала ее лицо. "Ты ведь трахнешь меня сейчас, да, миста? О, пожалуйста, ты сказал, что будешь, если я буду сосать твой член, и я так хорошо сосала твой член! Не оставляй меня в таком состоянии".

Жалко глядя на охранника, а затем на всех остальных хихикающих мужчин, которые загораживали вид на ее камеру, Харли была разочарована отсутствием ответа, отсутствием чего-либо, кроме широких, жестоких улыбок, когда все мужчины смотрели на нее, как на свою собственность. "Пожалуйста?" - спросила она, на этот раз более дрожа. "Я даже ублажу вас всех сразу, если понадобится! Вы все можете трахать меня, как захотите, обещаю. Мне просто так нужны члены внутри меня, что я даже не могу сказать, как я возбуждена".

В двери камеры заскрипел ключ, и она медленно открылась, глаза Харли расширились, когда мужчины заполнили камеру, один схватил ее за волосы и оттащил от двери. Она вскрикнула от шока и восторга, закричав: "О, да! Меня оттрахают и набьют членом сильнее, чем я могу надеяться, не так ли? Что ж, давайте, я готова быть вашей игрушкой, только не оставляйте меня без этого, и я буду грязной шлюхой для всех вас". Контроль разума полностью взял верх, и Харли Квинн, сидящая в смиренной рубашке и связанная в камере, была всего лишь

шлюхой, глотающей сперму и поклоняющейся членам, которая нуждалась в постоянном сексуальном внимании. Контроль разума успешно вызвал в ней безумную, экстремальную нимфоманию и лишил ее ключевых элементов личности, которые заблокировали бы единственный способ удовлетворить ее влечение.

На их месте был такой вид разврата, который наслаждался тем, что с нее стягивали штаны, когда ее, одетую только в смирительную рубашку, трахали прямо на холодном полу ее камеры. Ее насадили на член одного из охранников, заставили скакать на нем верхом в стиле "обратная ковбойка", и когда мясистый член вонзился в ее мокрую пизду, она издала вопль абсолютного блаженства, который заглушил только булькающий звук, возникший от того, что член прошел через гланды и вонзился в ее глотку. Но, будучи теперь всего лишь послушной шлюхой, Харли не возражала против этого, и начала с удовольствием насаживаться на наполненный член, поскольку ей дали все, что она хотела, и она хотела поблагодарить охранников за то, что они не оставили ее без внимания.

Жаждающие звуки отчаянного, распутного членососания стали еще громче, и Харли, насаживаясь на обхватывающий член, который заполнил ее ноющую киску так, как ей было так необходимо, нашла еще больше причин для того, чтобы с головой окунуться в работу. Она чувствовала себя хорошо, наконец-то успокоившись, когда жжение прекратилось, и с удовольствием работала над членами, трахающими ее с обоих концов. Хорошо накормленная шлюха, получающая желанный член, - счастливая шлюха, и Харли не могла чувствовать себя более довольной, особенно когда поняла, что ею интересуются больше двух мужчин. Руки ласкали ее упругую попку и щупали сиськи через смирительную рубашку, и она знала, что еще долгое время будет объектом их похоти и агрессии.

Руки схватили ее за волосы, оторвали ее голову от члена, который она сосала, пряди слюны стекали по ее подбородку, когда она хныкала. "Ч... член?" - спросила она в бессознательном, похотливом оцепенении, но тут же почувствовала, как в ее рот по очереди начали трахать пара санитаров. Это была жестокая процедура, к которой Харли не была готова: они двигали ее голову вперед-назад, держа ее за волосы, и трахали ее лицо короткими сериями. Она ходила взад и вперед, полоская рот членом, пока ее угощали двойной порцией орального насилия от пары мужчин, которые были более чем счастливы чередовать ее и продлевать оральное насилие.

Каждый проход головы давал ей возможность отдышаться, она вздрагивала и выпускала ошеломленные стоны, когда ее натягивали. Слюни становились все большей и большей проблемой, так как она была превращена в грязное месиво, не в состоянии проглотить полные рты слюны, которую она вырабатывала, пока член входил в ее глотку, а между сосаниями она была слишком занята дыханием, чтобы заботиться об этом, оставляя ее мокрой и грязной, слюни стекали на пол, когда ее издевались над ней. Не то чтобы ей это не нравилось, конечно, иногда она кашляла и иногда говорила между отсосами, говоря такие вещи, как "Это лучшее, что у тебя есть?" и "Я хочу отсосать десять членов сразу!".

Киска Харли подверглась такому же грубому воздействию, жестокие удары в нее снизу заставляли ее тело вздыматься, ее задница возбужденно покачивалась от силы траха. Это было то, что требовалось ее телу, заставляя ее стонать громче, когда ее драл мужчина, который явно ждал слишком, слишком долго, чтобы наконец-то получить удовольствие от ее пизды, и который отказывался проявлять к ней пощаду. Ее пизда была воплощением его мечты, и все,

чего он хотел, это жестоко изнасиловать ее. "Нам нужно найти этой сучке новую камеру", - ухмыльнулся он. "Может, бросить матрас в комнате отдыха персонала. Нам нужно постоянно держать ее рядом, чтобы трахать".

В ответ раздались приглушенные, одобрительные стоны, а глаза Харли закатились назад, развратные возможности заполнили ее разум и сделали еще лучше использование ее тела для удовлетворения сразу трех членов. Теперь это была ее жизнь, и она действительно не могла быть счастливее от этого факта, так как ее издевались над ней до бесконечности. Чего еще она могла желать в жизни, кроме этого? Ее новая привязанность к члену полностью ее обезобразила, и теперь она думала только об одном - о развратном, небрежном поклонении члену в любое время суток, о том, чтобы ей вставляли члены по самые яйца и доставляли все развратные острые ощущения, о которых только может мечтать шлюха.

Охранник, получивший первый минет, вернулся в камеру Безумного Шляпника, где застал развратника, трахающего Женщину-кошку в задницу, не давая ей уткнуться лицом в кровать. "Ты был прав", - сказал он. "Я не могу поверить, что ты говорил правду, но, черт возьми, ты был прав. Ты настоящий, не так ли, Тетч?".

"Конечно, да. Настоящий. Настоящий - это идеал. Заставлять сучек визжать. Визжать, как свиньи. В моем мире они все свиньи. Алисы, ждущие, чтобы их научили и извратили. Еще много чего. Много больше. Еще больше шлюх. Теперь, когда ты мне веришь, мы можем заняться делом. Ты можешь взять Харли. Я отдам ее тебе. Всех вас. Твоя клоунская шлюха. Но кошечка останется моей личной Алисой здесь, понятно? Она моя". Он говорил во время толчков, его и без того безумная манера речи приобрела задыхающийся характер, пока он опустошал задницу Селины.

Увидев то, что Джервис заставлял делать Селину, охранник не мог сказать, что он действительно воцарился Женщину-кошку. "Конечно, Шляпник, как скажешь. Оставь ее себе. У нас есть Харли для траха, думаю, мы справимся".

"Хорошо. Тогда мне нужно перейти к следующему этапу. Мне нужно общаться с людьми. Партнеры. Нужны партнеры. Нужна месть. Бэтгерл должна заплатить и бизнес должен возобновиться. Мы с тобой повеселимся на славу. Но сейчас мне нужны ресурсы! И связь. Офицер Монтойя. Соедините меня с ней. У нас есть дела. Она будет козырем".

"Монтойя, да? Я не знаю, что ты задумал, но после того, что ты только что сделал для меня и ребят, мы обязательно найдем какую-нибудь причину, чтобы доставить ее сюда. Ты только что заслужил много доверия с этим человеком". Хотя и не настолько, чтобы охранники хотели, чтобы он был где-то еще, кроме как за решеткой и вдали от них.